

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.1)05/06:34

Д.С. Бобров

НАКАЗНЫЕ ПАМЯТИ ПРИКАЗЧИКАМ ОСТРОГОВ И СЛОБОД ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЗНЕЦКОГО УЕЗДА)

Приводена типологическая и структурно-генетическая характеристика наказных памятей приказчикам острогов и слобод Западной Сибири конца XVII – первой половины XVIII в. в контексте воеводских наказов как вышестоящих актов административно-правовой иерархии. Обосновывается принадлежность рассматриваемых документов одновременно и к делопроизводственным материалам и к системе российского законодательства. Автор показывает, что наказные памяти состояли из пяти логико-смысловых блоков и заключали в себе проявления тенденций рецепции и оригинальности (вариативности).

Ключевые слова: наказные памяти; приказчики; служилые люди; воеводы; имперское законодательство; система права; Западная Сибирь; Кузнецкий уезд.

Непрекращающийся поиск эвристических путей и способов выстраивания архитектуры современной российской государственно-правовой системы, среди прочего, диктует необходимость обращения к историческому опыту переломных в административно-политическом плане эпох. Одной из таких, без сомнения, является период конца XVII – первой половины XVIII в. С одной стороны, он сопровождался генезисом обновленной модели государственности – имперской, предполагавшей распространение на все уровни управленческой иерархии идей камерализма [1. С. 99–107] и бюрократического централизма [2. С. 103; 3. С. 104]. С другой стороны, правовая система страны, как ведущий инструмент претворения в жизнь и регламентации соответствующих трансформаций, во многом продолжала оставаться феодальной и в определенной мере сохраняла черты прецедентности в сочетании с очевидными тенденциями партикуляризма.

Наиболее явную специфику нормативно-правовое строительство получало в только что присоединенных областях, где задачи освоения требовали оперативной разработки и внедрения законодательной базы, которая четко регулировала бы множественные аспекты деятельности региональных и местных управленческих структур: от военно-политических до социально-экономических. Дефицит времени, вызванный откровенно слабым соответствием изначальной управленческой доктрины освоенческой конъюнктуры, не позволял в короткие сроки разрабатывать оригинальное нормативно-правовое обеспечение деятельности управленцев, которое учитывало бы реальную обстановку в районе, а существенная динамика хозяйственно-колониционных реалий делала невозможной механическую перцепцию общеимперского законодательства. Как следствие, законодательные основы функционирования местных властей при освоении имперских окраин являлись гибридными и эклектичными.

Активный восточный вектор российской колониционной политики второй половины XVII – первой половины XVIII в. превращал Западную Сибирь в стратегически важный регион. Особенно это касалось ее южных областей с нестабильными внутренними, и внешними границами, территорий, являвшихся своего

рода буфером между Россией и политическими образованиями Средней Азии [4. С. 5–25].

В конце XVII – первой половине XVIII в. типичным для этих характеристик районом являлся Кузнецкий уезд, устойчиво ощущавший волны военно-колониционной политики Российского государства [5; 6. С. 91–94] и, как следствие, испытывавший значительные территориальные приращения за счет появления новых периферийных административных центров: Бердского острога, Мунгатского станца, Белярской и Бикатунской крепостей, Малышевой слободы и др. [7. С. 186–194, 214–222, 250–258; 8. С. 71–76]. Система управления областью являлась типичной для Сибири после губернской реформы Петра I [9. С. 73–126, 154–177; 10. С. 45–47]: ошутимая роль в претворении в жизнь решений центральных и региональных властей принадлежала местным структурам. Среди них особняком выступали воеводы, но едва ли не большее значение приобретала деятельность низовых органов управления – приказчиков острогов и слобод. Должность приказчика замещалась «годовальщиками» – служилыми людьми, привлекавшимися административным аппаратом для решения строго определенного круга задач в течение установленного периода, как правило, одного года [11. С. 132–133, 141]. В реальности срок пребывания лиц в должности приказчиков варьировался от нескольких месяцев – одного года до 3–5 лет [12. Л. 35; 13. Л. 1–1 об.; 14. Л. 60; 15. Л. 255–256; 16. Л. 7–44 об.]. Правоустанавливающей основой их деятельности становилась наказная память – акт, издававшийся воеводой и определявший административный статус локальных управленцев.

Несмотря на очевидный эвристический потенциал, наказные памяти, с историко-юридической позиции изучены в недостаточной степени. На фоне существенного интереса специалистов к управленческим стратегиям и практикам сибирских воевод (в том числе в контексте их взаимодействия с другими социальными и политическими институтами), а также законодательному обеспечению их деятельности [3; 9. С. 28–45, 73–85, 191–205; 17; 18; 19. С. 395–402; 20. С. 161–178; 21. С. 107–141; 22;

23. С. 3–15] можно выделить лишь ряд работ, посвященных рассмотрению отдельных содержательных, а еще реже – типологических аспектов наказных памятей [24. С. 10–12; 25. С. 185–188; 26. С. 102–105; 27. С. 178–186]. Гораздо чаще эти документы рассматриваются в контексте экстраординарных экспедиций и других служб служилых людей либо анализа личного состава низшего звена управленцев [28. С. 11–21; 29. С. 80–83; 30. С. 527–532]. В целом в отношении наказных памятей на текущий момент фактически установились две историографические константы: эти документы по умолчанию и, как правило, без проведения обоснованных параллелей должного уровня отождествляются с наказами воеводам, вследствие чего первые зачастую позиционируются в качестве придатка вторых, им полностью отказывается в самостоятельности и оригинальности.

В результате до сих пор сохраняет свою научную значимость вопрос о ревизии роли наказных памятей в обеспечении управленческого процесса, в том числе в свете сопоставления с вышестоящими документами инструктивного и распорядительного характера. В начале – середине XVII в. наблюдалась устойчивая вариативность адресатов наказных памятей: от служилых людей, отправлявшихся в экстраординарные экспедиции (например, командовать отрядами по строительству острогов и крепостей [29. С. 80–83]), до лиц, вступавших в ординарные должности на местном уровне системы управления. Однако уже в первые десятилетия XVIII в. акты второй группы практически полностью вытеснили все остальные, которые в документообороте собирательно стали именоваться «памяти» или вовсе приобрели форму рядовых воеводских указов. В связи с этим целью текущей публикации явилась типологическая и структурно-генетическая характеристика наказных памятей приказчикам острогов и слобод Западной Сибири в контексте реалий административно-правовой системы конца XVII – первой половины XVIII в. Источниковую базу исследования составили делопроизводственные материалы соответствующего периода, извлеченные из фондов № 517, 1134, 1402 Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также отдельные законодательные и подзаконные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи [31. № 3294. С. 624–632; 32. № 3534. С. 141–160] и сборнике «Памятники Сибирской истории XVIII в.» [33. С. 350–364]. Наказных памятей служилым людям Западной Сибири первой половины XVIII в. сохранилось чрезвычайно мало, что объясняется не только объективно слабым отложением региональных нормативно-правовых актов в архивах различного уровня в совокупности с оставяющей желать лучшего степенью сохранности документов, но и изменением структуры делопроизводства в период правления Петра I, а также объективным усложнением характера управленческих практик, внедрявшихся воеводами. В общей сложности в нашем распоряжении оказались 23 наказные памяти приказчикам Кузнецкого уезда. В хронологическом плане подвергнутые анализу документы разделяются

на четыре группы: конец XVII в., середина – конец 10-х гг., начало 20-х гг., конец 30 – начало 40-х гг. XVIII в. Специфика фондообразования заключается в том, что зачастую в одной единице хранения (деле) сконцентрировано сразу несколько наказных памятей (от двух до шести).

Реалии позднефеодальной правовой системы детерминировали наличие ощутимой связи между наказными памятями и нормативно-установительными документами воевод как вышестоящих институтов в иерархии власти. Наказы воеводам однозначно являлись и перечнем позиций, которые определяли принципы местного управления, и специальными должностными инструкциями конкретному лицу, охватывавшими его общие и главные обязанности [22. С. 65, 79]. В более широком смысле они представляли собой важный переход от кормленческой системы к единому общегосударственному административному праву [Там же. С. 79]. В XVII в. в зависимости от содержательной направленности акты делились на чрезвычайные и общего формуляра [19. С. 397].

Наказы воеводам образца начала XVIII в. отразили реформаторские новации Петра I, поскольку предполагали определенную оригинальность отдельных блоков текста каждого соответствующего документа. В первой трети XVIII в. были выпущены две официальные типовые инструкции уездным управителям: в 1719 и 1728 гг. Наиболее интересным представляется наказ воеводам, завизированный Петром I в январе 1719 г. [31. № 3294. С. 624–632]. Он состоял из 46 пунктов и представлял собой типовую инструкцию, конкретизировавшую параметры правового статуса администраторов в различных сферах деятельности. Однако для восточных окраин складывавшейся Российской империи механическое копирование общегосударственного централизованного наказа и адресация его лицам, вступавшим в должность воеводы, без учета освоенческой конъюнктуры конкретного уезда автоматически предполагали бы снижение эффективности управленческого процесса. Для сравнения Наказ вступавшему в должность кузнецкого воеводы Б.А. Синявину 1721 г., с одной стороны, состоял из все тех же 46 положений, что и общегосударственный акт, с другой – шесть пунктов являлись полностью оригинальными по отношению к исходному акту 1719 г. и еще три претерпели серьезные пертурбации при сохранении своей смысловой направленности [33. С. 350–364].

Дискуссия о типологической характеристике наказных памятей служилым людям и приказчикам острогов по своим масштабам значительно уступает многочисленным версиям места и роли наказов воеводам в управленческой системе Сибири XVII – первой половины XVIII в. Л.В. Самбуева отождествляет наказные памяти с воеводскими наказами [24. С. 11]. Очевидная эклектика терминов представляется в данном случае не совсем уместной, так как еще Е.В. Вершинин использовал словосочетание «воеводский наказ» как синоним наказа воеводе, т.е. акта принципиального иного уровня нормативной иерархии [22. С. 102]. Корректность же полного механического отождествления наказов воеводам и наказных

памятей вызывает очень большие сомнения. Е.А. Тимохин называет специальные документы, регулировавшие деятельность приказчиков, «воеводскими памятями» [26. С. 102], что, однако, не способствует однозначной идентификации адресата документа. Подавляющее большинство специалистов при характеристике документов, выдававшихся служилым людям Западной Сибири, рационально использует категорию «наказная память». Во-первых, это не создает двойственности в вопросе установления адресатов соответствующих актов, поскольку «памяти» выдавались воеводами служилым людям, но никогда – самим уездным управленцам. Во-вторых, наказные памяти сочетали в себе признаки наказов (определение административного статуса органа управления с градацией функций) и памятей (установление и пояснение конкретной административной задачи, конкретизация механизмов ее выполнения) [27. С. 181].

Указанная бинарность, среди прочего, явившаяся следствием общих тенденций развития права и нормативной регламентации управления начала XVIII в., оставляет открытым и вопрос о типологической принадлежности наказных памятей к корпусу законодательных или делопроизводственных актов. Известные советские источниковеды и сибиреведы фактически единодушно относили документы инструкционного характера к делопроизводству, выводя их за рамки законодательной системы [34. С. 43–48; 35. С. 23–25; 36. С. 38–46].

Между тем Генеральный регламент, один из главных ориентиров в вопросе организации делопроизводства первой половины XVIII в., рассматривал «инструкцию» в качестве иностранного синонима «наказа» [32. № 3534. С. 160]. Местные власти Западной Сибири для решения административных задач на протяжении первой четверти XVIII в. издавали не «инструкции», а памяти, что служило своего рода инерционным шлейфом системы управленческих практик предшествующего столетия. Только с конца 20-х гг. XVIII в. воеводы начали разрабатывать «инструкции» служилым людям и регулярным воинским подразделениям [37. Л. 32–37], однако целевая направленность этих документов по отношению к наказным памятям была значительно уже и заключалась в регламентации исполнения одного локального поручения, а также установлении необходимого для этого функционального статуса исполнителя. Следует констатировать, что сибирская региональная административно-распорядительная система 20–40-х гг. XVIII в. видела определенные различия между наказными памятями и инструкциями. Лишь к середине столетия первые были вытеснены последними, в результате чего наказные памяти превратились в рудимент нормативной базы регламентации управления. Эти суждения следует соотносить с реалиями раннеимперской административно-правовой системы, где в законодательстве наибольший удельный вес принадлежал не самим законам, а подзаконным правовым актам. Решения, исходившие из столицы, зачастую содержали лишь волю монарха или центральных органов управления, а пути их реализации раскрывались как раз в подзаконных актах. Учитывая это, важно подчеркнуть, что все

наказные памяти облекались в форму воеводского указа, а следовательно, неоспоримо относились именно к категории подзаконных актов, являясь составной частью российского законодательства. С другой стороны, памяти отложились в архивах как делопроизводственные материалы и содержат необходимые признаки соответствующей группы источников, в том числе функцию документного обслуживания административных систем, наличие формуляра, распорядительный характер [38. С. 392–393], а также в целом обеспечение формально-юридической стороны коммуникации между различными акторами управления. Иными словами, наказные памяти являлись актами, соединявшими в себе ряд номинальных признаков делопроизводственных материалов и законодательства, поэтому невозможно отнести их только к одной категории. Более того, рассматриваемые акты представляли собой строго персонифицированные документы, где в отличие от воеводских наказов не существовало общеупотребительных формально-обезличенных вариантов.

В более широком смысле наказные памяти можно определить как особый вариант партикулярной персональной должностной инструкции, имевшей силу и характер распорядительного подзаконного нормативно-правового акта и адресованной лицу, вступающему в ту или иную должность.

В структуре наказных памятей приказчикам острогов и слобод Западной Сибири просматривается пять содержательно-смысловых блоков: легально-легитимационный (легализация процедуры передачи власти), имущественно-инвентарный (фиксация наиболее важного имущества административной округи), административно-статусный (определение сферы полномочий и обязанностей приказчиков, порядка их взаимоотношений с другими властными структурами), экстраординарный (действия в случае природных катаклизмов, внезапной военной опасности или социальных конфликтов), а также запретительно-декларативный (перечень действий, по умолчанию признававшихся преступными). Очевидно, утвердившись единожды, последовательность изложения в дальнейшем уже не претерпевала кардинальных трансформаций, а изменялись лишь внутреннее устройство каждой части, ее формат и объем.

В начале документа традиционно для подзаконных актов первой половины XVIII в. указывался источник нормотворчества: воевода (а в случае, если воеводский указ возникал на основе соответствующего предписания региональной власти, – губернатор и воевода). Функциональное назначение этого блока заключалось в легализации полномочий приказчика, в том числе путем формальной фиксации процедуры передачи власти от прежнего управленца текущему. Распоряжения могли адресовываться сразу обоим администраторам. Например, в памяти первому приказчику Белоярской крепости Степану Серебренникову сначала приказывалось руководителю строительного отряда Ивану Максюкову «отдать тебе [Серебренникову] в той крепости кузнецких служилых людей», а затем уже вновь прибывшему приказчику предписывалось «и тебе б вышепомянутых служилых людей и

беломестных казаков, и гулящих людей... у него, Ивана Максюкова, принять» [39. Л. 43]. Такой подход в существенной мере соответствовал практике, установившейся в среде воеводского управления, с единственным, но существенным отличием: в 10 – начале 30-х гг. XVIII в. персональные и значительные по объему воеводские указы все больше стали уступать место чрезвычайно компактному губернаторским указам (как правило, 1,5–2 листа). В этих актах едва ли не центральное место уделялось вопросам транзита власти, фиксировавшимся при этом максимально простой формулой: «...велено тебе... [указание на конкретное лицо] быть в городе [указание на уездный центр] воеводою на месте воеводы [указание на прежнего управителя]» [15. Л. 19]. Таким образом, испытывая рецепцию со стороны инструктивных документов вышестоящих органов власти, наказные памяти приказчикам острогов и слобод сохраняли свою оригинальность и местами более четкий функциональный акцент. Однако переоценивать его также не стоит, поскольку он изначально был призван решать лишь локальные задачи. К примеру, наказные памяти приказчикам, в отличие от наказов воеводам, не содержали упоминания о необходимости проведения и текста присяги при вступлении в должность¹.

Второй блок предполагал максимально точную фиксацию имущества и инвентаря, поступавших в распоряжение приказчика. Крайнее расположение Кузнецкого уезда, угроза рецидива набегов калмыков на административные центры², сохранение ясачных аборигенных волостей, перемежавшихся с русскими поселениями, вместе предопределили существенное внимание наказных памятей первых десятилетий XVIII в. к оружейному комплексу и доступным инженерным ресурсам. Максимально точному учету подвергались пушки и снаряды к ним, находившиеся в границах вверенной приказчику административной округи: «Две пушки больших железных, ядер к ним восемьдесят, дробь железной полтора пуда, три пушки малых железных же, пороху пушечного пять пуд, ручного семь пуд пятнадцать фунтов... а военной снаряд, пушки, порох и свинец блюсти опасно» [39. Л. 43–44]. В районах, где военно-политическая опасность была значительно меньшей или отсутствовала вовсе, достаточно быстро утвердилась распорядительная фраза-клише «и принять... что есть казны Великого Государя, пушки, порох, ядра и свинец, також указные памяти и приходные и сборные оброчные книги... и наказ прежде бывшего приказчика» [39. Л. 49]. Спустя несколько лет в наказных памятях стала фигурировать более краткая резолюция «принять у приказчика... крепость / острог, и острожные ключи, и на крепости снаряд, и артирелские припасы, и приходные и расходные книги» [16. Л. 7], которая имела и расширенный (по сути, переходный по отношению к первым двум упомянутым) вариант, предполагавший учет отдельно пушек, пороха и свинца, а также «наличной денежной казны всей, что есть налицо и присланных... Великого Государя указов и челобитчиковых дел» [Там же. Л. 44]. Установившаяся формула была максимально лаконична, особенно на фоне указов воеводам, предписывавших «печати,

грамоты, и указы Ея Императорского Величества, и печатные воеводские инструкции, и всякие дела, приходные и расходные книги, також и наличную, денежную и товарную казну и мягкую рухлядь, артиллерию и провиант, и прочее все, что есть, казенное по описи, а служилого чина людей по имянным списком принят с росписками...» [15. Л. 19–19 об.]. Более того, вступавшие в должность уездные администраторы обязывались составлять погодные выписки и экстракты, которые фиксировали бы обоснованность / необоснованность финансовых трат предшествующих управителей [Там же. Л. 19 об.]. В. Кулешов полагает, что это являлось одним из способов возбуждения ответственности в управленческой среде [17. С. 12], а Е.В. Вершинин проводит мысль о том, что такие проверки подспудно повышали уровень легитимности местной власти [22. С. 68–69]. В отличие от этого наказные памяти были ориентированы именно на фиксацию и учет перечня административно-хозяйственных ресурсов, передававшихся от прежнего приказчика нынешнему, что отражалось в императиве «и что надлежит по указу у [прежнего] приказчика... принято, о том в [уездный центр] писать» [16. Л. 7 об.–8]. Параллельно с этим воеводами практиковалось наделение специально посланных из уездного центра служилых людей контрольно-ревизионными функциями в отношении бывших приказчиков, однако иницировалось соответствующее действие специальным указом, а не наказной памятью [41. Л. 7–7 об.].

Третий блок обладал наибольшим удельным весом и заключал в себе определение функционального статуса приказчика. Минимальное количество новелл раннеимперского законодательства в отношении местных органов управления не только не позволило преодолеть установившуюся еще в документах XVII в. эклектику направлений деятельности администраторов, но и существенно ее углубило в силу синкретизма формировавшейся на региональном уровне управленческой доктрины. Наказные памяти строго выстраивались на основе принципа территориальности управления в том смысле, что создавали правовые основания власти лица, вступавшего в определенную должность, только применительно к конкретному локальному району [25. С. 186]. За пределами соответствующей административной округи за редким исключением управленец терял всякие юридические прерогативы.

Следует констатировать, что авторитетнейшими авторами и изданиями в историографии сформулирован тезис об исключительном приоритете административно-хозяйственного направления деятельности приказчиков [42. С. 206; 43. С. 137–142, 327–328]. Доступные нам наказные памяти показывают, что природные особенности вверенного района и освоительская конъюнктура порой диаметрально противоположно определяли акценты в функциональном статусе локальных управленцев. При сохранении идущей еще с XVII в. формулы «ведать тебе... судом и росправою», которая предполагала общий административный надзор в отношении местного населения и служилых людей, в районах с нестабильной военно-политической обстановкой, располагавшихся рядом с

не всегда мирными ясачными волостями, на первый план выходила оборонительная функция приказчиков. Наказные памяти в таких случаях содержали детальные предписания, направленные на поддержание безопасности крепости, в том числе регламентировали расстановку и надзор за караулами, периодический осмотр оружия служилых людей [39. Л. 43 об.–44]. Административно-хозяйственная функция в инструктивных документах проявлялась, в первую очередь, в необходимости контроля над заселением вверенной приказчику округи, а вот упоминаний о десятинной пашне, даже единичных, как ни парадоксально, не наблюдалось [16. Л. 7–8 об., 21–23 об., 44–45 об.; 39. Л. 43–45 об., 49–50, 51–52; 44. Л. 31–31 об.]. Не менее запутана ситуация с названной в свое время еще В.И. Шунковым «судебно-полицейской» функцией [42. С. 206]. В наказных памятях четко указывалось, что тяжкие и особо тяжкие преступления не находились в ведении приказчиков, а передавались (вместе с подозреваемыми) в уездный центр. Персональные инструкции лишь оговаривали обязанность конвоирования задержанных, а также предусматривали возможность приведения в исполнение только одного вида наказания – «бития батожем нещадно» [39. Л. 43 об.]. Что касается судебной функции, то она просматривалась лишь в тех наказных памятях, которые адресованы приказчикам наиболее спокойных административных округ, и проявлялась в рассмотрении приказчиком имущественных споров размером до 5 руб. [16. Л. 7–7 об.].

Дополняющим эти сюжеты становились положения наказной памяти, предполагавшие чрезвычайные (экстраординарные) действия. Объем этого блока напрямую зависел от военно-политической обстановки в административном районе: чем больше сомнений относительно безопасности округи оставалось у уездных властей, тем подробнее и строже в персональной инструкции детализировались действия приказчика. В первые год-два после сооружения острога или слободы локальным управленцам строго предписывалось максимально ограничить контакты с автохтонами и лишь принимать по несколько аманатов, а остальным «велеть жить до указа верстах в десяти и болши» [39. Л. 44 об.–45]. Также запрещалось посылать служилых людей в степи и урочища для промыслов и торговли.

В заключительной части наказных памятей содержался перечень запрещенных действий. В первые годы после строительства острога или слободы среди наказуемых деяний приказчиков значилась лишь сдача неприятелю возведенного укрепления (даже в ходе сражения с превосходящим числом противников), а также заключение нелегального соглашения с автохтонными жителями или кочевниками «без указа Великого государя» [Там же. Л. 45 об.]. За это предусматривалась немедленная смертная казнь в уездном центре, которая утверждалась и приводилась бы в исполнение даже без резолюции губернского центра, что в реалиях первой половины XVIII в. являлось скорее грозным напоминанием, своего рода запретительной декларацией. Во-первых, преступления управленцев низшего звена (приказчики, земские комиссары, таможенные головы) находились на контроле у губернской канцелярии, а все решения приводи-

лись в исполнение воеводами или выносились ими исключительно после соответствующего указа из Тобольска. Во-вторых, даже первый приказчик Бикатунской крепости А. Муратов, который допустил сожжение острога калмыками в 1710 г. и спустя несколько лет вернулся в Кузнецк из джунгарского плена, не был казнен, а служил вместо этого на аманатском дворе уездного центра [33. С. 335, 336, 346].

В дальнейшем перечень действий приказчиков, признававшихся незаконными, расширился и включил в себя торговлю с аборигенным населением, в том числе организованную посредством посылки служилых людей; махинации с налогами и «чинение обид» поднадзорному населению; взяточничество; дачу ложных показаний в суде или подстрекательство к этому; сдачу укрепления в случае нападения; наконец, преступным признавалось любое действие, противоречившее «Великого Государя указу и сего наказу» [16. Л. 7 об.–8]. В дополнение к этому расширялась и декларация потенциальных санкций: помимо смертной казни для приказчика более поздние памяти предусматривали конфискацию его имущества: «...а имение твое движимое и недвижимое взято будет на Великого государя» [Там же. Л. 8 об.].

Помимо этих четко просматривающихся структурных элементов почти каждая наказная память содержала указание на необходимость решения конкретных локальных вопросов (эпизодов). Е.В. Вершинин справедливо предлагает деление наказной памяти на две части: наказ, заключающий в себе ординарную инструкцию, и память-приложение, т.е. экстраординарные персональные предписания управленцу [22. С. 69–71]. Например, в памяти бердскому приказчику Василию Соколову, среди прочего, содержалось указание разыскать в кратчайшие сроки приписанных к соответствующей округе Т. Корякина и И. Середка, обвинявшихся в убийстве барабинских татар, а также воспрепятствовать тому, чтобы «многие бердские жители ездили в степь и привозили соль тайною в Бердский острог» [39. Л. 49].

Отражая состояние управленческих стратегий и практик административно-правовой системы переходного периода, наказные памяти на протяжении конца XVII – первой половины XVIII в. эволюционировали в сторону унификации. Однако в отличие от воеводских наказов, которые прошли соответствующий путь во второй половине – конце XVII в. [22. С. 71], инструкции приказчикам острогов и слобод приобрели максимально стандартизированный вид лишь к середине следующего столетия. В структурно-генетическом плане унификация проявилась в двух тенденциях. Во-первых, в существенном уменьшении удельного веса административно-статусного, экстраординарного и запретительно-декларативного блоков вплоть до их полного нивелирования. В результате акцент автоматически сместился в сторону легально-легитимационной и имущественно-инвентарной частей, которые в совокупности стали занимать половину и более текста всей наказной памяти [44. Л. 31–31 об.]. Это привело к тому, что на непродолжительный период (20–30-е гг. XVIII в.) размеры «наказной» и «памятной» частей фактически сравнялись, но с

40-х гг. столетия первая практически полностью заменила вторую, отражая схожие процессы, проявившиеся в воеводских наказах несколькими десятилетиями ранее [22. С. 71]. Во-вторых, в неуклонном снижении общего объема наказных памятей на протяжении первой половины XVIII в. акты конца 10 – начала 20-х гг. превосходили свои аналоги середины 40-х гг. более чем вдвое [39. Л. 43–45 об.; 44. Л. 31–31 об.]. Возникновение новых административных округ порождало необходимость максимально детализированных наказных памятей, и, наоборот, в районах с устоявшейся управленческой повесткой документы приобретали строго компактный вариант. Кроме того, по мере сжатия текста полностью исчезло деление на статьи, а также отсылки к ранее имевшим место управленческим прецедентам. В целом стремление к стандартизации наказных памятей вылилось скорее в их симплификацию, что, очевидно, стало одной из важнейших причин деградации роли соответствующих актов в управленческой и делопроизводственной системе.

Интересным представляется и вопрос правопреемства наказных памятей по отношению к аналогичным, выпущенным ранее документам. В наказах воеводам на протяжении первой половины XVIII в. фактически сохранялся выработанный еще в середине – второй половине предшествующего столетия прецедентный принцип, который предполагал использование в управленческой деятельности не только актуальных актов, но и изданных ранее. В. Кулешов считает, что воеводы могли руководствоваться / не руководствоваться предшествующими наказами по своему усмотрению «и прежних им государевых грамот и наказов высматривати и вычитати накрепко, почасту» [17. С. 5–6]. Однако формула «да что в прежних наказах и грамотах добро, и великому государю прибыльно и к обереганью написано с укреплением, а не к убыли, и им [воеводам] дела делать по прежним государевым наказам и по грамотам»³ предполагала скорее обязательное, а не произвольное соблюдение тех положений ранее изданных актов, которые соответствовали текущим управленческим задачам и интересам власти в регионе. В отличие от этого ни одна из наказных памятей не содержала четкого указания необходимости или даже

упоминания о возможности использования ранее выпущенных, хотя среди перечня имущества в большинстве актов значилась «инструкция». Очевидно, предполагалось, что каждая наказная память будет замещать свои предыдущие аналоги, аккумулируя фундаментально значимые характеристики правового статуса приказчиков и одновременно акцентируя внимание на группе первоочередных задач.

Таким образом, наказные памяти приказчикам Западной Сибири в значительной степени основывались на императивном (строгая регламентация правового поведения субъекта) и в гораздо меньшей – на диспозитивном (свобода выбора модели поведения) методах правового регулирования. Документы одновременно сочетали черты адресности и нормативности: с одной стороны, они заключали в себе предписания, обязательные для исполнения конкретными должностными лицами, с другой – обладали важнейшими признаками правовых норм, таких как формальная определенность, многократная применимость, санкции за неисполнение или нарушение.

Нормативно-правовая база осуществления администрирования на местном уровне, с одной стороны, сохраняла ощутимые черты преемственности (в виде механического заимствования отдельных блоков) по отношению к ранее изданным вышестоящим документам, с другой – стремилась к оригинальности и не допускала тотального копирования соответствующих актов. В этом проявлялось взаимопроникновение традиции и новаций в управленческой системе первых десятилетий выстраивания обновленной (имперской) российской государственности, когда архаичная унифицированность освоения Сибири XVII в. постепенно теряла свою актуальность на фоне потребности учета освоенческой конъюнктуры отдельных локальных районов. Вместе с тем наказные памяти на протяжении конца XVII–XVIII вв. претерпели существенную унификацию вслед за воеводскими наказами, пока полностью не превратились в рудимент обновленной административно-правовой системы. После завершения переходной эпохи в системе нормативного обеспечения, управленческих практик и делопроизводства наказные памяти оказались полностью вытеснены партикулярными должностными инструкциями.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примечательно, что сами приказчики приводили к присяге служилых людей, прибывавших на «обереговую службу» [40. Л. 26–31].

² В первые два десятилетия XVIII в. Кузнецк и юго-западные административные округа уезда неоднократно подвергались набегу джунгарских кыштымников [3. С. 11–13; 7. С. 89–101].

³ Это не являлось сугубо декларативной формулой, а имело реальные прецеденты, в том числе на вышестоящем уровне управленческой иерархии. Например, в 1722 г. находившийся под следствием бывший кузнецкий воевода Б.А. Синявин [45. С. 7–10] в ходе одного из допросов ссылался на применение им в середине 10-х гг. XVIII в. пунктов некоего наказа 1702 г., по всей видимости, имевшего уже постатейный вид [33. С. 310]. Очевидно, речь шла о положениях более раннего наказа воеводам, разработанного в конце XVII – первом десятилетии XVIII в. в рамках исполнения именного указа Петра I 1695 г. [22. С. 77].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1968. 368 с.
3. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск : Сова, 2005. 264 с.
4. Бульгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. 144 с.
5. Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут : Таймер, 2011. 233 с.

6. Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колониационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Т. 3, № 4. С. 91–94.
7. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул : Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2015. 415 с.
8. Ширин Ю.В. О месте и условиях появления Мунгатского острога // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3. С. 71–76.
9. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. Москва ; Новосибирск : Древлехранилище, 2003. 408 с.
10. Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв. : науч. и док. материалы. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005. С. 44–70.
11. Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132–142.
12. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 14.
13. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16.
14. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25.
15. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26.
16. РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1.
17. Кулешов В. Наказы сибирским воеводам в XVII в.: исторический очерк. 2-е изд. Болград : Ижд. Г.В. Юдина, 1894. 51 с.
18. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 1: Документы воеводского управления. М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1895. 433 с.
19. Градовский А.Д. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 2: История местного управления в России. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1899. 492 с.
20. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 260 с.
21. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
22. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург : Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
23. Ананьев Д.А. Воеводское управление в Сибири в XVIII в.: особенности процесса бюрократизации // Российская история. 2007. № 2. С. 3–15.
24. Самбуева Л.В. Наказные памяти как нормативно-правовой акт феодального права // История государства и права. 2005. № 7. С. 10–12.
25. Мамонтов В.М. Наказы таможенным головам в системе нормативных актов, регулирующих правоотношения в таможенной сфере Московского централизованного государства в XVI–XVII вв. // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3. С. 185–188.
26. Тимохин Е.А. Законодательная основа деятельности служилых людей Западной Сибири: структура норм, взаимосвязь и механизм функционирования // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2012. № 4. С. 102–105.
27. Бобров Д.С. Наказные памяти приказчикам крепостей Верхнего Приобья в конце 10 – начале 30-х гг. XVIII в. // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX в.): сб. материалов всерос. науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 178–186.
28. Исупов С.Ю. Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники: исторические очерки. Бийск : Типография Бийск. пед. гос. ун-та, 2002. С. 11–21.
29. Добжанский В.Н. «Наказные памяти» строителям Мелесского острога М. Лаврову и О. Кокореву // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 80–83.
30. Пашинин А.В. Документы второй половины XVII – первой половины XVIII в. как источники составления родословной // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2013. С. 527–532.
31. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание I (1649–1825). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V.
32. ПСЗРИ. Собрание I (1649–1825). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI.
33. Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1885. Кн. 2: 1713–1724. 592 с.
34. Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР : учеб. пособие. М. : [б.и.], 1959. 359 с.
35. Миненко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1981. 91 с.
36. Лукашевич А.А. Виды документов в Российском государстве первой четверти XVIII в. (на материале Генерального регламента) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 38–46.
37. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 18.
38. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т; ин-т «Открытое общество», 2004. 701 с.
39. РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8.
40. РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1-6.
41. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51.
42. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М. : Изд-во АН СССР, 1946. 229 с.
43. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск : Наука, 1982. 504 с.
44. РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1-а.
45. Каменецкий И.П. Розыскное дело воеводы Б. Синявина: к вопросу о взаимоотношении сибирской администрации и коренных народов в Южной Сибири в эпоху Петра I // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 7–10.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2018 г.

Mandatory Instructions for Clerks of Jails and Settlements of Western Siberia at the End of the 17th – the First Half of the 18th Centuries (Based on the Analysis of the Documents Issued in Kuznetsk Uyezd)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 87–95.

DOI: 10.17223/15617793/442/11

Denis S. Bobrov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: bds-eureka@yandex.ru

Keywords: mandatory instructions; clerks; servicemen; vaivodes; imperial legislation; system of law; Western Siberia; Kuznetsk Uyezd.

The article is devoted to the historical and legal analysis of mandatory instructions for clerks of jails and settlements of Western Siberia at the end of the 17th – the first half of the 18th centuries. This kind of documents still requires a thorough analysis, especially taking into consideration the significant interest in the management strategies and practices of Siberian vaivodes, as well as legisla-

tive support for their activities. Mandatory instructions presented a special version of a personalized job description written in a form of a vaivode's ordinance addressed to the incoming department clerk. The structure of a mandatory instruction was divided into five blocks. The purpose of the first block was to formally fix the procedure for transferring power from the previous clerk to the current one. The second one implied the inventory of assets and items that came to the disposal of the manager. The third block determined the functional status of the clerk. The limited number of regulations of early imperial laws intended for local governments not only made it impossible to avoid the eclecticism of administrators' activities, characteristic of the documents of the 17th century, but also increased it significantly due to the syncretism of the administrative doctrine that was formed at the regional level. Regulations with guidelines on emergency measures complemented the documents. The final part of mandatory instructions contained norms that determined the range of potential offences. During the first years after the introduction of a top-down management style, clerks' punishable offences were only the surrender of fortifications and the signing of illegal agreements with autochthonous inhabitants or nomads. Later, the list of illegal acts was expanded and included trade with the aboriginal population, tax fraud, "offending" the supervised population, bribery, giving false testimony in court or inciting to it. In general, the regional legal and regulatory framework of Western Siberia at the end of the 17th and in the first half of the 18th centuries retained tangible features of continuity (it actually mechanically borrowed separate blocks from previously issued documents), yet it developed as an original one and excluded exact replications of the previous regulations. This manifested the interpenetration of the tradition and innovations of the administrative system during the first decades of building the renewed (imperial) Russian statehood when the archaic unification of strategies for the development of Siberia in the 17th century gradually lost its relevance because of the necessity to take into account individual needs of local areas.

REFERENCES

1. Anisimov, E.V. (1997) *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII v.* [State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Eroshkin, N.P. (1968) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Anan'ev, D.A. (2005) *Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII v.* [Vaivode office of Siberia in the 18th century]. Novosibirsk: Sova.
4. Bulygin, Yu.S. (1974) *Pervye krest'yane na Altae* [The first peasants in the Altai]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
5. Puzanov, V.D. (2011) *Voennaya politika Russkogo gosudarstva v Zapadnoy Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII v.)* [The military policy of the Russian state in Western Siberia (the end of the 16th – the beginning of the 18th centuries)]. Surgut: Taymer.
6. Isupov, S.Yu. (2010) Rol' Biyskoy kreposti v voenno-kolonizatsionnoy politike Rossiyskoy imperii na Altae v pervoy polovine XVIII v. [Significance of the Biysk Fortress in Military and Colonization Policy of the Russian Empire in the Altai in the First Half of the 18th Century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 3 (4). pp. 91–94.
7. Borodaev, V.B. & Kontev, A.V. (2015) *Formirovanie rossiyskoy granitsy v Irtyshsko-Eniseyskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg.* [Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
8. Shirin, Yu.V. (2017) *About place and conditions of appearing of Mungat burg. Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Ser. Historical sciences*. 3. pp. 71–76. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.71-76
9. Akishin, M.O. (2003) *Rossiyskiy absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII v.: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian absolutism and the administration of Siberia in the 18th century: the structure and composition of the state bodies]. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche.
10. Konteva, O.E. & Kontev, A.V. (2005) *Territoriya Altayskogo kraja v obschegrazhdanskoy i vedomstvennoy sistemakh upravleniya (XVIII v.)* [The territory of Altai Krai in the civil and departmental management systems (18th century)]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Istoriya Altayskogo kraja. XVIII–XX vv.: nauch. i dok. materialy* [History of Altai Krai. 18th–20th centuries: research and documents]. Barnaul: Altayskiy poligraficheskiy kombinat.
11. Puzanov, V.D. (2009) *Godoval'shchiki v Sibiri v XVII v.* [Godovalshchiks in Siberia in the 17th century]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 132–142.
12. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 14. (In Russian).
13. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 16. (In Russian).
14. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 25. (In Russian).
15. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 26. (In Russian).
16. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1402. List 1. Pt. 1. File 1. (In Russian).
17. Kuleshov, V. (1894) *Nakazy sibirskim voevodam v XVII v.: istoricheskiy ocherk* [Instructions to Siberian vaivodes in the 17th century: historical essay]. 2nd ed. Bolgrad: Izhd. G.V. Yudina.
18. Ogloblin, N.N. (1895) *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza* [Review of the columns and books of the Siberian order]. Pt. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya, Strastnoy bul'var.
19. Gradovskiy, A.D. (1899) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
20. Bakhrushin, S.V. (1959) *Nauchnye trudy* [Research]. Vol. IV. Moscow: USSR AS.
21. Aleksandrov, V.A. & Pokrovskiy, N.N. (1991) *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and society. Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
22. Vershinin, E.V. (1998) *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII v.)* [Vaivode administration in Siberia (17th century)]. Yekaterinburg: Munitsipal'nyy uchebno-metodicheskiy tsentr "Razvivayushchee obucheniye".
23. Anan'ev, D.A. (2007) *Voevodskoe upravlenie v Sibiri v XVIII v.: osobennosti protsessa byurokratizatsii* [Vaivode administration in Siberia in the 18th century: features of the bureaucratization process]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 3–15.
24. Sambueva, L.V. (2005) *Nakaznye pamyati kak normativno-pravovoy akt feodal'nogo prava* [Mandatory instructions as a regulatory legal act of feudal law]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 7. pp. 10–12.
25. Mamontov, V.M. (2011) *Instructions for Customs Masters in the System of Statutory Acts Regulating Legal Relationships in Customs Sphere in Moscow Centralized State in the XVIth-XVIIth Centuries. Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 3. pp. 185–188. (In Russian).
26. Timokhin, E.A. (2012) *The legislative basis of activity of state servitors of Western Siberia (XVII century): the structure of rules, the relationship and mechanism of functioning. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4. pp. 102–105. (In Russian).
27. Bobrov, D.S. (2014) [Mandatory instructions to commanders of the Upper Ob fortresses in the late 1710s – early 1730s]. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoy Rossii (XVII – nachalo XX v.)* [Estates and sociocultural transformations of the population of Asian Russia (17th – early 20th centuries)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Novosibirsk: Parallel'. pp. 178–186. (In Russian).
28. Isupov, S.Yu. (2002) *Prikazchiki i komendanty Biyskoy kreposti* [Commandors and commandants of the Biysk fortress]. In: Bulanichev, V.V. (ed.) *Biyskie gradonachal'niki: istoricheskie ocherki* [Biysk town governors: historical essays]. Biysk: Biysk State Pedagogical University.
29. Dobzhanskiy, V.N. (2012) "Nakaznye pamyati" stroitel'yam Melesskogo ostroga M. Lavrovu i O. Kokorevu ["Mandatory instructions" for the builders of the Meletsksky fortress M. Lavrov and O. Kokorev]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 80–83.

30. Pashinin, A.V. (2013) Dokumenty vtoroy poloviny XVII – pervoy poloviny XVIII v. kak istochniki sostavleniya rodoslovnoy [Documents of the second half of the 17th – the first half of the 18th centuries as sources of family history compilation]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2013* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2013]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law.
31. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I (1649–1825). Vol. V. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
32. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I (1649–1825). Vol. VI. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
33. Timofeev, A.I. (ed.) (1885) *Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII v.* [Monuments of the Siberian history of the 18th century]. Book 2. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
34. Mityaev, K.G. (1959) *Istoriya i organizatsiya deloproizvodstva v SSSR* [History and organization of records management in the USSR]. Moscow: [s.n.].
35. Minenko, N.A. (1981) *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Essays on the source study of Siberia of the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
36. Lukashevich, A.A. (1991) *Vidy dokumentov v Rossiyskom gosudarstve pervoy chetverti XVIII v. (na materiale General'nogo reglamenta)* [Types of documents in the Russian state of the first quarter of the 18th century (on the material of the General Regulations)]. *Sovetskie arkhivy*. 4. pp. 38–46.
37. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 18. (In Russian).
38. Danilevskiy, I.N. et al. (2004) *Istochnikovedenie. Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii* [Source studies. Theory. Story. Method. Sources of Russian history]. Moscow: RSUH; in-t "Otkrytoe obshchestvo".
39. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1134. List 1. File 8. (In Russian).
40. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1402. List 1. Pt. 1. File 1-b. (In Russian).
41. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 51. (In Russian).
42. Shunkov, V.I. (1946) *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII – nachale XVIII v.* [Essays on the history of the colonization of Siberia in the 17th – early 18th centuries]. Moscow: USSR AS.
43. Okladnikov, A.P. (ed.) (1982) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [The peasantry of Siberia in the era of feudalism]. Novosibirsk: Nauka.
44. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1402. List 1. Pt. 1. File 1-a. (In Russian).
45. Kamenetskiy, I.P. (2009) *Rozysknoe delo voevody B. Sinyavina: k voprosu o vzaimootnoshenii sibirskoy administratsii i korennykh narodov v Yuzhnoy Sibiri v epokhu Petra I* [The search case of vaivode B. Sinyavin: on the relationship between the Siberian administration and indigenous peoples in Southern Siberia in the era of Peter I]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 7–10.

Received: 24 April 2018